

Литературныя воспоминанія.

(Изъ недавняго прошлаго).

Последніе годы прелыдущаго царствованія отличались, какъ извѣстно, особеннымъ усиленіемъ административно полицейской оеки. Съ широко раскрытыми глазами руководители внутренней политики замѣчали быстрый ростъ социализма въ западной Европѣ. И, хотя «опасность» несомнѣнно преувеличивалась, лѣвому крылу печати при каждомъ «неудобномъ» случаѣ предлагалось набирать въ ротъ воды и самую молодежь, (дабы пресѣчь зло общественныхъ увлеченій въ корнѣ), заставляли до изнеможенія силъ барахтаться въ свивальникахъ чешско-нѣмецкаго классицизма, чуть чуть ослабленныхъ преемникомъ гр. Д. Толстого. Знаменитая игрою словъ фраза Людовика XIV о роялистахъ, какъ нельзя лучше, оправдывалась на провинціальныхъ администраторахъ, дивившихъ своимъ «усердіемъ не по разуму» петербургскій кабинетъ. Вологжане — старожилы, если будетъ позволено такъ выразиться, помнить еще добродушную передовицу «Русскихъ Вѣдомостей» съ цитатою изъ любопытнаго мѣстнаго губернаторскаго циркуляра только что введеннымъ земскимъ начальникамъ. Этими послѣднимъ предлагалось между прочимъ рекомендовать «отечески» крестьянамъ, чтобы они при неурожаѣ травъ прибавляли въ сѣно для корма солову, отчего послѣдняя пріобрѣтаетъ «запахъ и в к у с ь (!) сѣна». Къ счастью этотъ градоправитель мало увлекался своими прямыми обязанностями будучи предавъ, по словамъ безпристрастныхъ современниковъ, увлеченіямъ другого рода.

Въ описываемое время и вологодская губернія съ ея расхаживающимъ кланомъ не была обойдена, какъ мѣсто по-

литической ссылки. Такъ въ 1889 году была препровождена въ Яренскъ за свое откровенное письмо къ имп. Александру III извѣстная публицистка, поборница феминистскаго движенія, М. К. Цебрикова. Почтенной писательницѣ было уже 55 лѣтъ, но ея круная, импонировавшая своей представительностью, фигура оставляла впечатлѣніе почти юношеской свѣжести и бодрости. Проѣздомъ черезъ Вологду она останавливалась въ домѣ своихъ знакомыхъ, гдѣ другую квартиру занималъ мѣстный поэтъ Е. И. Чернобаевъ. «Я думалъ, что это по крайней мѣрѣ вдова какого нибудь корпуснаго командира!», смущенно говорилъ Е. И. пишущему эти строки. — «Ты не ошибся, хотя и судилъ только по корпусу», отвѣчалъ ему я, «Она сама генеральша отъ литературы».

На обратномъ пути М. К. посѣтила въ Вологдѣ товарища по несчастью, извѣстнаго своими экономическими трудами писателя, А. А. Карелина, который первые мѣсяцы своей ссылки отбывалъ также въ Яренскѣ. Судьбой Карелина долгое время послѣ его отъѣзда интересовались знавшіе его вологжане. Ему было тогда тридцать съ небольшимъ лѣтъ, но огромное съ жидкой откинутой назадъ шевелюрой чело и солидная русая борода дѣлали его много старше своихъ лѣтъ. Рѣчь его была остроумна, но серьезна. Такимъ, какъ онъ, именно такимъ, я представлялъ себѣ въ тѣ младенческие годы —каждаго редактора толстыхъ петербургскихъ журналовъ!

Я познакомился съ Карелинымъ въ качествѣ любителя шахматной игры. А. А. игралъ довольно недурно, особенно, принимая во вниманіе то, что онъ никогда не давалъ себѣ труда заниматься теоріей или разсматривать партій выдающихся шахматистовъ. Поэтому онъ часто терпѣлъ поражения отъ сильнаго мѣстнаго игрока г. Ч. Я утѣшалъ А. А., какъ могъ,

и одинъ разъ напомнилъ ему страничку изъ «Исповѣди». Извѣстно, что Руссо превосходно играть въ шахматы, но ~~писанно~~ онъ ~~пустяки~~ въ обращеніе крылатую фразу объ этой интересной игрѣ. «Она слишкомъ серьезна для того, чтобы смотрѣть на нее, какъ на игру, и слишкомъ ничтожна, чтобы предаваться ей, какъ дѣлу». Иногда, проигравъ партію, А. А. сердилъ этой цитатой своего постоянного противника, который въ то время такъ увлекался шахматами, что славу чемпиона, казалось, охотно предпочелъ бы лаврамъ македонскаго полководца.

Карелинъ пріѣхалъ въ Вологду съ «именемъ»: имъ уже было помѣщено въ двухъ или трехъ солидныхъ журналахъ нѣсколько статей по политико-экономическимъ вопросамъ. Здѣсь онъ закончилъ свой главный трудъ «Общіяе землевладѣніе въ Россіи», сразу отмѣченный научной критикой и очень цѣнный своимъ фактическимъ матеріаломъ.

Менѣе удачной считается его вторая значительная работа: «Краткій курсъ политической экономіи», носящая явные слѣды свѣжести и погрѣшающая недостаточной обоснованностью выводовъ. Я помню, какъ авторъ жаловался, что цензура «выкинула у него наиболѣе эффектная мѣста»: напр. «всякая форма принудительности труда понижаетъ его цѣнность, выражаетъ ли она въ видѣ казачихъ нагаекъ на сибирскихъ пріискахъ или и т. д.». Конечно, собесѣднику было ясно, что «потерять много» отъ исключенія подобныхъ боевыхъ мѣстъ могла развѣ наскоро скопанованная брошюра.

Помимо научныхъ трудовъ Карелинъ занимался въ Вологдѣ адвокатурой въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго. Первое вступленіе его за судебнымъ пюпитромъ было очень удачно. Разбиралось дѣло

бывшей гимназистки Ц. и ея молоденькой подруги портнихи Я., обвинявшихся въ составленіи подложныхъ писемъ въ цѣляхъ эксплуатаціи популярнаго въ В. имени о. Іоанна Сергіева (Кронштадскаго). Защитникомъ первой былъ извѣстный ярославскій адвокатъ г. П., Карелину, если не ошибаюсь, была поручена к а з а н а я защита Я. Судебный процессъ шелъ при переполненомъ публичной залѣ. Составляющія стороны оказались не равны. Обвинитель сразу взялъ, очевидно, фальшивый тонъ, рисуя молоденькую легкомысленную дѣвченку закоренѣлой, «опытной» преступницей. «Составлявшіеся подсудимой письма носятъ характеръ ловкаго подражанія и внѣшнимъ пріемамъ и тону великосвѣтскихъ дамъ!» Защитникъ въ соответствующемъ мѣстѣ своей рѣчи отвѣчалъ убійственной репликой. «Вотъ, г. присяжные засѣдатели, сказалъ онъ, подымая передъ ними со стола вещественныхъ доказательствъ инкриминируемые письма, вотъ образчикъ внѣшнихъ пріемовъ переписки великосвѣтскихъ дамъ: это не раздѣшенное «билье-ду» — оно написано на простой, чуть не грязной бумагѣ съ грамматическими ошибками, удивительными для бывшей гимназистки седьмого класса! (Движеніе въ публикѣ). А отсюда я заключаю, что на кабинетномъ столѣ г. товарища прокурора никогда не лежало писемъ отъ свѣтскихъ дамъ», какъ-бы на ходу обронилъ защитникъ, переходя къ анализу другихъ пунктовъ обвиненія. Коротенькая рѣчь Карелина въ противоположность паѳосу его старшаго товарища по защитѣ, говорившаго невѣдомо къ чему и о Жанѣ д'Аркъ и о религіозной экзальтаціи, носила слегка насмѣшливый характеръ. «Это пустяшное дѣло приняло свой неестественно огромный размѣры исключительно въ телескопѣ вологодской скуки. Мало-мальски серьезно пострадавшихъ нѣтъ, а наказаніе еще до

Вашего приговора уже въ видѣ одного привлеченія на скамью подсудимыхъ чересчуръ велико»... Оправдательный вердиктъ былъ встрѣченъ шумными аплодисментами публики.

Кромѣ М. К. Цебриковой Карелина навѣщали и другіе проѣзжавшіе черезъ Вологду столичные литераторы. Зимой, не помню 1892 или 1893 года, зайдя къ А. А. вечеромъ часовъ около 7, я засталъ у него гостя, сухощаваго, средняго роста незнакомаго съ сѣдыми слегка курчавыми волосами, въ скромномъ костюмѣ. Я былъ представленъ ему хозяиномъ, но въ торопяхъ не расслышалъ даже имени и отчества. Сѣвъ поодаль, я сталъ слушать ихъ бесѣду; тотъ и другой называли извѣстныя литературныя имена, повидимому, общихъ знакомыхъ. Гость шутилъ и былъ вообще очень оживленъ. Черезъ полчаса онъ ушелъ. «Ну какъ Вамъ понравился Павелъ Владимировичъ? Не правда-ли какой живой и привѣтливый человекъ?» обратился ко мнѣ Карелинъ, вернувшись изъ передней. — «Кто это?» — «Кто? Вашъ землякъ, Павелъ Владимировичъ Засодимскій! Вологдинъ! Авторъ «Хроники села Смурина! Эге, да Вы, батенька, невѣжда!» огорчилъ меня скороговоркой любезный хозяинъ. — «Позвольте, сначала условимся, что я и «Хронику смуриинскую» читалъ и имя это знаю; да я не видалъ...» — Ну, да, его не видалъ, и портрета не видалъ! а еще литераторомъ себя считаете и стихи пишете!» продолжалъ неугомонно А. А. «Ну, да, вѣдь, онъ то стиховъ по крайней мѣрѣ не писалъ!» — «А кто его знаетъ!» Карелинъ расхохотался. «Всякій бываетъ боленъ въ свое время! Ну, не бѣда: я Васъ еще познакомлю!»

Однако, на другой день писатель уѣхалъ изъ Вологды, которую скоро покинулъ и самъ Карелинъ.

М. Швецовъ.